

ОН

Когда пишу тебе письма,
ночь становится тишиной,
не потрескивают поленья в печке,
словно огонь и ночь
прислушиваются
к бегущему шороху письма.

ОНА

Я помню твои письма,
я помню их до...
каждого звука,
заливанного временем,
до малейшего акцента,
до самой выразительной паузы...

Ольга Мищенкова
Евгений Феодоров

Пять нот из соловьиного словаря

Роман в письмах

Ольга Мищенко
Евгений Феодоров

Пять нот
из соловьиного
словаря

Роман в письмах

Рязань
ИП Жуков В.Ю.
2019

Мищенкова О.А., Феодоров Е.А.

М 57 Пять нот из соловьиного словаря (роман в письмах): Стихотворения/ Ольга Мищенкова, Евгений Феодоров. – Рязань: ИП Жуков В.Ю., 2019. – 84 с., ил.

Двухголосные «Пять нот из соловьиного словаря», имеющее подзаголовок «Роман в письмах», – первая совместная книга двух поэтов, живущих в разных городах России.

Евгений Феодоров (Ростов-на-Дону) – автор сборников верлибровой лирики («Люблю...» и «Когда я свободен. В молитвенном свете луны»).

Ольга Мищенкова (Рязань) – автор нескольких поэтических сборников, среди которых «Многозвучие», «Белая соната», «В переулках судьбы», «Тоска по Врубелю. Исповеданья».

Данная книга – это и верлибры, и поэзия, свободная от строгостей академических и верлибровых.

Разница между параллелями в книге – в характерах героев. Герой романа переполнен мечтой, его чувство обращено к женщине, которая и стала для него воплощением той самой мечты, которую он долго искал, но нашёл слишком поздно, и потому тема героини – это взволнованный отклик её души на непредвиденное.

Не случайно герои романа не имеют имён, а обозначены в книге как Он и Она, что придаёт повествованию ещё большую исповедальность.

В истории человечества во все времена поэты писали о любви. И всегда находилось слово, свежее, волнующее, звучащее как бы впервые, словно ДО не было сказано ничего.

Таковы «Пять нот из соловьиного словаря».

ББК 84(2=411.2)6-5

© Мищенкова О.А., Рязань, 2019
© Феодоров Е.А., Ростов-на-Дону, 2019
© ИП Жуков В.Ю., 2019

*Из примирений выткался сюжет,
разорванный на клочья откровений,
которых ничего дороже нет...
Дни покрывали сумрачные тени,
туман клубился...
Ты не видел слов
или не слышал,
пропуская мимо,
всё то, что было так необходимо
для нашего романа про любовь.
Летели звёзды в августову ночь,
орешник привораживал лощиной...
Мы не могли себе ничем помочь,
но музыка...
Под фугу,
у камина,
давным-давно,
когда Спаситель Бах
наигрывал тихонько,
снегу вторя...
Тогда казалось,
мы не знали горя,
гадая на израненных стихах,
что будет с нами,
что пойдёт не так...
Варила жизнь своё степное зелье,
а мы всё реже попадали в такт,
уставшие от зимнего похмелья...*

*Дни покрывали сумрачные тени,
которых ничего дороже нет...
Разорванный на клочья откровений
из примирений выткался сюжет,
давным-давно,
когда Спаситель Бах
наигрывал тихонько,
снегу вторя...
а ты шептал мне: «Я с тобой не спорю...»...*

Весна... опять гадает на стихах.

**Ольга Мищенкова
31.03.2019**

ОН

Пока мы не боимся,
пока мы пишем стихи, –
мы свободны.
Когда же убоимся,
когда снова погрязнем в страхах,
мы не будем свободны
и не напишем стихов.
Но пока мы свободны,
хотя и размушены по вкладам
все очарованья и прекрасные мгновенья,
мы ничего не боимся,
когда пишем друг другу стихи,
свои или чужие, но тоже свои –
про возвращение детей,
распротыканную в грязь погоду,
про жизнь, расхлябанную в пьянь и вкось,
и рождающуюся завтра из пены любовь...
Пока мы не боимся
ни державной святости,
ни высочайших перемен,
ни торгашеских сквозняков,
ни смертных грехов,
ни смертельных погрешностей,
мы пишем в простоте душевной стихи,
даже если ими будем оклеивать стены
в местах общего пользования,
мы пишем, когда мы свободны,
свободны на все четыре стороны,
вдоль и поперёк, –
и обстоятельно вспоминая
каждый завтрашний день...
Пока мы пишем так,
как живём и дышим,
как мучаемся – изъедаемые
червями сомнений и голодных надежд,
мы восхитительно свободны –
падшими ангелами на драконьих обломках

империй, препон, идолов и алтарей,
когда мы ничего не боимся –
не боимся даже родиться вновь,
потому что свобода –
это прежде всего право на поэзию.

ОНА

Венок сонетов на магистрал Владимира Солоухина

Владимир Солоухин. Магистрал

Когда невыносима суета,
И возникает боль в душе глубоко,
И складка горькая ложится возле рта,
Я открываю том заветный Блока.

Звенит строка, из бронзы отлита,
Печального и гордого пророка,
Душа вольна, как вольная дорога,
И до звезды бездонна высота.

О, Блок! О, Бог! Мертвею, воскреси!
Кидай на землю, мучай, вознеси
Скрипичной болью, музыкой органной

Чисты твоей поэзии ключи.
Кричать могу. Молчанью научи,
К тебе я обращаюсь в день туманный.

1. Чаконой Баха

Когда невыносима суета,
А тишина манит безумьем страха,
Поверишь ты, что истина проста,
Исторгнутая из Чаконы Баха.
Покажется, что мир сошёл с креста,
И за его спиной чернеет плаха...
Февраль чернильным днём сегодня плакал,

Начать желая с чистого листа.
Божественная льётся благодать:
Поплакать ре-минором и страдать,
Опровергая торжество порока.
Он слушает мелодии свои,
Снимает ближе к вечеру парик,
И... возникает боль в душе глубоко.

2. Прелюдия – безмолвие двоих

И возникает боль в душе глубоко...
Не потерялась Ариадны нить:
Среди людей блуждаешь одиноко,
К друзьям приходишь, чтоб похоронить...
Подбрасывает память ненароком
Забытые сиреневые сны...
Как будто бы и не было весны,
Сбежавшей в ночь за косогор далёкий.
Стираешь пальцы, лессируя свет...
Тебя давно на том портрете нет...
Воскресным сном опять развеялась мечта.
Прелюдия – безмолвие двоих...
Молитвой Баха воскресает стих,
И складка горькая ложится возле рта.

3. Гармонией Эдемова потока

И складка горькая ложится возле рта,
Когда фальшивит тот, кому поверил...
Звенит в душе смиренья пустота,
И заперты невидимые двери.
Безбожники, играя во Христа,
Лопочут о величии материй,
Преумножая святости потери...
Лишь Музыка великая чиста,
И только глубина бессмертных строф
Тебя уносит в райский мир стихов
Гармонией эдемова потока.
Там колокола скорбь и смех рожка
Естественнее вымысла божка.
Я открываю том заветный Блока...

4. И получилось всё наоборот

Я открываю том заветный Блока
И чувствую дыхание твоё...
Пусть время оказалось к нам жестоко,
Напоминаям кружит вороньё,
Летающее рядом не высоко.
Страницы спутал ускользнувший год,
И получилось всё наоборот,
И след остался от удара током...
Поёт подлунный соловьиный сад,
Но ты ему как будто бы не рад, –
Набрасывает сети маета.
Степная кобылица мнёт ковыль,
Наш грешный путь – не вымысел, а быть.
Звенит строка, из бронзы отлита.

5. Тень блоковская

Звенит строка, из бронзы отлита,
И мы склоняем голову, не слыша,
Что рядом с нами, побеждая мрак,
Тень блоковская... А на старой крыше
Два голубя уснули до утра,
И пёстрый кот большой тихонько дышит...*
Вот из квартиры Блока кто-то вышел
(дверь оказалась в ней не заперта).
Шлейф Незнакомки – в кольцах аромат,
Туман в браслетах, неизвестный взгляд,
Ночь белая – штрихом остывших окон.
Подумаешь: органнй звук возник,**
Чтоб музыканту показался лик
Печального и гордого пророка,

6. Не признаются гении до срока

Печального и гордого пророка
Встречали по весне сырой не раз.
Запомнилось, что был поэт высоким, –
Столичный русский денди напоказ,
Почти что Дант... А жизнь... одна морока...

– За что плачу я, объясни, Пегас?
– Тебя сполна оценят не сейчас,
Не признаются гении до срока.
– Умри – воскресни... Так Христос велел?
– У каждого при жизни свой предел.
Не вопрошай, а молча веруй Богу.
– Мы азиаты... скифы... Миражи?
Но как же верить, если... Подскажи?..
– Душа вольна, как вольная дорога...

7. Баховская живопись Поэта

Душа вольна, как вольная дорога,
И мы бредём, неведомо куда...
Случается, что старая тревога
Пленяет не надолго, – навсегда.
Так хочется простого диалога,
Простейшего, как в школе – дважды два.
Казалось раньше: это – ерунда,
Теперь шагов не слышно у порога.
Но... Томик избранных стихов любимых
Снимает боль утрат невосполнимых,
Спокойнее становится закат.
Есть баховская живопись Поэта,
И наша Песнь с тобой ещё не спета,
И до звезды бездонна высота.

8 – 10. Верлибровая звукопись строки

Молитва

И до звезды бездонна высота,
Но мы с тобой об этом верно знаем:
Ты тоже был чудовищно богат,
Когда писалось в грохоте трамвайном,
И под ноги ложился листопад...
Судьба бежала за тобой по краю
И настигала первоцветным маем,
А ты, как будто, был судьбе не рад.
Ночь, улица... Опять аптека... Что же
Сегодня боль поможет уничтожить?..
Я умоляю: Господи, спаси!

Позволь ему сказать о чём-то важном
(пошли меня потом... многоэтажно)...
О, Блок! О, Бог! Мертвею, воскреси!
О, Блок! О, Бог! Мертвею, воскреси!
Прошу тебя, не мудрствуя лукаво.
Благословляя, грешника прости,
Дай Слово молвить, подобрав оправу.
Возможно ли тебя о чём просить?
Не о себе молюсь, не для забавы:
На поле Куликовом всходят травы, –
Святой водой молитву освяти!..
Когда без влаги день пересыхает,
Под синим небом тьма произрастает,
И где-то ангел на звезде грустит...
Не пожалей, прошу, своих стараний,
Приди к нему весенними ветрами,
Кидай на землю, мучай, вознеси!

* * *

Кидай на землю, мучай, вознеси,
Позволь его стихами насладиться!
Таких поэтов мало на Руси,
Он знает, что покой нам только снится,
Ты знаешь больше, плоть стиха вкусив,
С которой довелось тебе сродниться:
Свободно расправляет крылья птица,
Детей своих на волю отпустив.
Верлибровая звукопись строки
Кому-то может не подать руки,
Но ты оценишь почерк филигранный.
Предложит фугу седовласый Бах,
И отзовется междустроичье ... ах... –
Скрипичной болью, музыкой органной.

11. О том, о сём...

Скрипичной болью, музыкой органной
Приходит муза утренней порой...
Не спится что-то этой гостье странной,
Ей хочется поговорить с тобой
О том, о сём: о песне долгожданной,

О пустоте, прикормленной зимой,
О том, что так похожа на запой
Тупая боль, играющая piano...
Грехов ли неизвестных искупленьем
Негаданно проснётся вдохновение,
Когда-то повелевшее: «Молчи!»?
В полутона пастельные одето,
Оно тебя встревожит знойным летом...
Чисты твоей поэзии ключи.

12. На Голос твой слетаются столетья

Чисты твоей поэзии ключи!
Воистину: вначале было Слово...
Твой облик тенью пламени свечи
Голубит время памятью суровой.
За окнами беснуются грачи,
Природа к обновлению готова...
Осталось мало за душой святого, –
Бессмертны оказались палачи.
Не впереди Он, в розовом веночке,
Но амулетом под чужой сорочкой,
Навеки обезличенный, молчит.
На Голос твой слетаются столетья!
Тебе не зря даровано бессмертье...
Кричать могу. Молчанью научи.

13. Иронический сонет отголоском на поэму «Двенадцать»

«Кричать могу. Молчанью научи», –
К тебе вызывает голытьба-бедняжка.
Нос прячет от мороза и ... кричит,
И в злости рвёт последнюю рубашку,
Фальшивостью безудержно звучит,
Беспомощно марая промокашку...
Ему бы завернуть в неё ФИ...(сташку)
И выбросить... Мешает тонзиллит
И крикуна лишает ночью сна!
А по земле вовсю бежит весна
И сыпает солью чьи-то раны...

«Пречистый Блок, его освободи,
Дай грешному безумье победить», –
К тебе я обращаюсь в день туманный.

14. Спасибо за Венок

К тебе я обращаюсь в день туманный,
Пока не видно мертвенной луны:
Спасибо за Венок, местами странный,
Задуманный в последний день зимы.
Твоей усадьбы снежные поляны,
Многоголосьем блоковским полны,
Встречали нас... Мы были влюблены,
А от стихов и счастья – полупьяны
Когда-то... раньше, в годы золотые...
Сегодня показалось, что впервые
Звучало Соло старого Альта.
Прими поклон Серебряному веку,
Куда сбежать возможно человеку,
Когда невыносима суета.

28.02.2018 – 04.03.2018

ОН

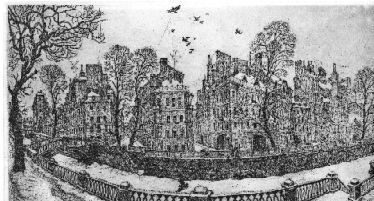

Как будто издавека –
снова зима...
и снова зима – пустая...
ни снега, ни снегирей.
Ошарашенному новостями
в радость зимняя пустота,
скромная радость –
без слов и без рюмки.
Нет новостей –
и тем неожиданней куст.
Голый куст подобен решётке,
а подобия –
и это известно –
угнетающе настораживают...
похлеще, чем то, чему подобны они.

И вот
скромная радость,
готовая к прогулке по дальней набережной,
скукоживается за воротником,
притворяясь горбом от рожденья.
И в память ей не просочиться.
В те дни, которые помним,
которые бережём – как за пазухой,
ближе к сердцу,
погода всегда хороша.
А здесь... сейчас... пустая зима.
Пустая зима...
и кусты,
как решётки – по краю газонов.
Пустая зима неизбывнее одиночества,
хотя там –
в толще календаря –
обещаются первоцветы
и скворцы с заморскими песнями.
В пустоте даже дождь
ни от чего – ни для чего – ни к чему.
И в пустоте
по долгой улице,
грязной, как бывшее русло,
на пару с дождём
иду...

ОНА

Пустая зима...
я иду
по твоей мостовой,
Спящий город,
которому в ночь –
одинок...
Ты тоской бесконечной
из пластика окон
не беседу ведёшь,
а горюешь со мной...
Дождь

бежит
за спиной –
как же холодно у января
он привык
на асфальт –
босиком
выходить на рассвете,
А сегодня раскис
и капризен,
как малые дети,
и не может понять
передвижки
у календаря.
А когда-то, январь,
мы под снегом
гуляли твоим,
Ждал с теплом самовар
и варенье дышало клубникой...
Мы сегодня не сыщем
морозной под небом улики,
безнадёжно
в дождливое небо
петардой палим.

ОН

Я придумывал стихи...
Казалось, что именно так –
не иначе –
будут ярче сверчки
под звёздами августа,
именно так
будет река голубее неба,
а небо – глубже омота.
Казалось, именно так:
в придуманном стихотворении
звонче будут цветы
над тусклой равниной стола,
а вспорхнувшие птицы
расцветут над острыми крышами

огнями полуденного салюта.
Так утверждался мой город
на золотых столбах,
отражаясь в издалёкой реке...
город, в котором жила ты.
Я когда-то придумывал стихи...
Город за всю мою жизнь вдалеке
ничуть не состарился,
даже, кажется, помолодел.
И прохожие вроде бы те же,
но с незнакомыми лицами,
говорливо и весело перетекают
по набережной – от моста до моста.
И огни старинных фонарей
отражаются в реке дрожащими полосами.
Я приду к тебе
и на круглый обеденный стол
положу вечернюю ветку сирени,
тихую и нежную.
И мы помолчим,
прислушиваясь друг к другу.
Я со временем позабыл,
как придумываются стихи.
Ты забыла, как подсказываются
необходимые слова.
Из всех чудес и удивлений нашей молодости
лишь невидимый сверчок
скрипит свою неутомимую песенку,
так и не покинув за прошедший век
своей единственной,
нам неведомой звезды.

ОНА

Как давно это было...

Ты не согласишься,
но ветка твоей вечерней сирени,
нежная и тихая,
перламутрово-жемчужная,

та самая ветка сирени
до сих пор
лежит на круглом обеденном столе,
куда ты положил её,
давным-давно...
Помнишь?
как долго мы молчали,
словно прислушивались друг к другу,
словно боялись пропустить в нашем молчании
что-то,
самое важное,
без чего потом,
всю долгую жизнь порознь,
нам было бы очень пустынно,
и неудобно,
и...

Мы должны были запомнить,
как звенящим беззвучием
истончалось
наше
время
и теряло,
теряло,
теряло
секунды...
Навсегда...
Навсегда оно теряло их.

Как давно это было?..

На белом пароходе
по молочному утру
уплывало тёплое лето,
которому
не суждено
повториться
никогда...

Я закрываю глаза
и вижу её –

вечернюю,
жемчужной белизны,
раскидистую ветку
персидской сирени
в разлитом вечернем свете.
Закатное солнце
добавляет жемчугам перламутра,
а нежный запах цветков
привносит в тишину нашей встречи
каплю тихой грусти...

Что я помню ещё?..

Я помню руки твои...
Нервно,
нервно,
нервно
длинными тонкими пальцами,
так и не решаясь закурить,
ты разминаешь сигарету
над старой бронзовой пепельницей...

Как давно это было...
Я помню, что тогда,
(целую жизнь назад?)
ты
придумывал
стихи,
а я любила их больше всего на свете –
тобой
придуманные
стихи,
в которых было
много тепла, света и музыки...

Тепла,
света
и музыки...

По слуху я подбирала музыку твоих стихов...
Именно стихов,

а не к стихам
и не для стихов,
потому что
музыка в твоих стихах жила.
Я её слышала.
И тебе нравилось
моё слышание
твоей музыки,
придуманных
тобой
стихов...

Ты помнишь?..

Как давно это было:
На обеденном круглом столе –
ветка вечерней сирени,
твои тонкие длинные пальцы,
разминающие сигарету над старой пепельницей,
придуманные тобой стихи,
в которых навсегда остался аромат
давнего тёплого лета,
уплывающего на белом пароходе
по молочному туманному утру
навсегда...

Я закрываю глаза и вижу...
Как давно это было...

ОН

*Прости, если можешь...
Владимир Луговской*

Вспоминаю мечту –
вспоминаю тебя...
Как бы и где бы ни жил,
душа не старела
и помнила

с утра до утра –
всю жизнь.

Твой образ – живое зеркало,
а в нём
отражался весь мир
в драгоценных подробностях
молодости
и вечности.

В деревне и в городе,
в храме или в красном углу
молятся образам –
я молился
образу твоему.

Много ли надо слов,
чтобы жить
и быть счастливым?!
Мне одного хватало:
люблю.

Не знаю,
что за жизнь после жизни.
Наверное, мы не исчезаем совсем?
А иначе –
зачем сотворены?
Зачем мечты –
птенцы оголтелые?
Зачем твой свет в сумерках разума?
Зачем ощущение полёта в душе?
Зачем нам дана поэзия и –
мУка творчества?
Да и жизнь –
как болезнь со многими осложнениями –
зачем?
Без тебя – нет ответа!

Так!
После жизни
мы не исчезнем совсем.

Пусть буду неуловимым эфиром
или мельчайшей звёздной пылью,
но буду! –
потому что люблю.

*3 октября любого года,
в твой день рождения*

ОНА

Я слышу голос твой...
Он
вопрошает,
задумывается,
пытается понять,
потому что
он очень живой –
твой голос,
и еще потому, что он – оттуда,
где лето уплывало на белом пароходе
в молочно-туманное
завтра.

Моё сегодня –
это наше с тобой вчера –
запахи,
звуки,
тишина памяти,
в которой навсегда –
вечерняя ветка
той самой белой сирени,
как маленький мостик
из прошлого – в будущее,
из нынешнего – в прошлое –
от тебя –
памятью –
на всю оставшуюся жизнь...

Кажется,
ты опять всё перепутал...

Мы не были ни смешными, ни нелепыми...
Мы были счастливы тогда,
в другой жизни,
которая пробивается к нам,
в сегодняшний день,
сиреневым облаком
воспоминаний...

Как давно это было...

Я помню тишину вокруг...

Мы – рядом,
но не говорим ни слова, –
настолько нет никакой надобности
в пустых и ненужных словах...

Ни в каких словах тогда не было никакой необходимости,
ибо то, что происходило с нами,
и вокруг нас,
и в нас самих
было важнее
самых важных слов на свете.

Так нам казалось...
Казалось ли?
Было страшно нарушить то, что оберегала собой тишина.
Она хранила нас от окружающей какофонии,
и мы не противились этому.
А между тем...
Шёл ли за окнами дождь,
тревожил ли ветер белые майские сады,
трепал ли занавеску,
выполаскивая её в цветочном аромате вечернего
воздуха, –
как много музыки было вокруг нас...
И в нас её было... так много –
той самой музыки,
которая согревала и спасала,
выносила и продлевала,
возвращала и не позволяла, –

ни на одну секунду
не позволяла
забыть,
растерять,
утратить...
Она давала нам силы даже тогда,
когда их не оставалось совершенно, –
музыка нашей тишины,
в которую никого не хотелось впускать
и которой ни с кем не хотелось делиться...

В той тишине жили твои стихи
и твой голос жил в ней –
негромкий и спокойный,
который не нарушал пространства,
а гармонизировал его,
оттеняя тишину мягким обертоном.

Помнится,
в ту весну
мы много слушали Скрябина
и читали стихи.
Они –
Цветаева и Скрябин –
были тогда прибежищем для нас,
а их страстный темперамент
совсем не диссонировал
с уютным трепетом нашей тишины...

Я закрываю глаза и слышу...
Музыка тишины...
Как давно это было...

ОН

Ни по журавлиному кличу
я не ждал гостей.
Ни по летящему снегу
я не ждал гостей.
Казалось, жизнь завершилась –

пока не услышал твой голос...
Стихло время, и остыла округа.
Но у меня есть печка и пёс возле ног.
Приходит ночь домовитой хозяйкой.
Разгорается печка с обычным треском.
И пёс ворчит на прохожий шум.
...Сегодня утром я услышал твой голос.
Он не звал, не тревожил,
он не бился птицей...
но я понял: ты – есть.

.....

Когда весна...
ещё дрожь от морозца,
но проснулась трава
и облака тучнеют,
собираясь к первой грозе...
я пишу тебе письма.

Когда в летней жаровне
плавится синее небо,
река – вся в блёстках – спящей царевной,
а зелень-то, зелень
охватила всю землю, весь белый свет...
я пишу тебе письма.
Когда солнцеворот
сминает год, начинается другой –
торит путь в вечность,
неизвестную даже ему, –
я пишу тебе письма.

Сегодня утром я услышал твой голос.
Может, так: незнакомая птица, залётная птаха...
или эхо в душе... родилось... отлетело...
и там... в стороне... живёт твоим голосом –
голосом нашей единственной встречи.

Когда пишу тебе письма,
ночь становится тишиной,
не потрескивают поленья в печке,

словно огонь и ночь прислушиваются
к бегущему шороху письма.

Когда пишу тебе письма,
память ясна и спокойна:
прощает ошибки и промахи,
прощает нажитое,
прощает растраченное
и тепло дышит в затылок.

Когда пишу тебе письма,
я свободен и счастлив так,
что утром, распахнув окно,
не узнаю свой привычный мир,
а мир, мой мир, – не узнаёт меня.

.....

Когда пишу тебе письма,
мой пёс жмётся к ногам
и понимающе вздыхает –
ему не к кому обратиться:
я его единственный адресат.
Но не знает мой пёс, что у меня
единственный адресат – ты
в давнопрошедшем времени,
в непреодолимом далеке.

ОНА

Письма твои...

Сколько их
за нашу усталую жизнь друг без друга
написано
отправлено
получено
прочитано, –
сколько?
Разве их можно забыть, –

твои удивительные письма,
в которых сохранилось то,
что было нам бесконечно дорого...
Помнишь?..

Как смогла я
не сказать тебе о них?

Вечерняя ветка сирени,
музыка,
оттеняющая тишину наших встреч,
твои стихи,
озвученные мягким голосом,
твой голос,
как бы живущий отдельно от тебя...
Но если всё это собрать
воедино,
то будешь
ты
ты
и
ты...
Ты будешь –
той самой веткой сирени,
музыкой и тишиной,
стихами и голосом,
а ещё...
а еще
будут твои удивительные письма,
в которых тебя
окажется ничуть не меньше,
чем в стихах,
музыке,
белой сирени,
в шёпоте затянувшегося осеннего дождя
или
тишине августовского вечера,
когда можно,
не проронив ни слова,
сказать друг другу так много,
что голова пойдёт кругом,

а звёзды потеряют равновесие
и, падая в бездну ночи,
увлекут и нас за собой,
а мы...
а мы не сможем не повиноваться им...
И изменить траекторию их падения
мы не сможем...

Я помню твои письма,
я помню их
до... каждого звука,
заливанного временем,
до малейшего акцента,
до самой выразительной паузы...

Я помню твою интонацию
голос твой помню...

Ты был удивительно щедр,
сообщая мне так много
о себе,
о нас,
о том,
что будет
и чего никогда не случится.

В каждом письме
прилетал
от тебя
ко мне
аромат степных ковыльных просторов
или
свежесть вьюжного февраля оседала на страницах,
или
или
или...

Когда-нибудь,
в самой середине колючей зимы –
вдруг...
Чтобы задохнуться от счастья?..

Чтобы не поверить глазам?..

Чтобы не сметь остановить слёз,
текущих и текущих?..
От удивления
радости
и счастья
текущих и текущих слёз?..

Так вот...

В самой середине колючей зимы –
от тебя –
в письме –
россыпью
засушенные лепестки белой сирени –
как талисман, –
как вера наша,
откровение наше и память,
дороже которых
может ли что-то быть...

Боже мой...
Твои письма...

И ещё...

Конечно же...
И ещё,
конечно же...

Как я смогла забыть?

Нет,
не забыть...
Я помню всё сразу,
потому что я не могу разделить тебя
на письма
и музыку в них,
на стихи
и твой голос,

который без стихов не живет,
как не может он жить
и без тебя...

Тебя – много,
и ты прилетаешь ко мне
с каждым письмом,
в котором...
Обязательно...
обязательно стихи –
с твоей музыкой между строк,
в строке ли,
в словах твоих
или в паузах,
толк в которых ты знал...

Стихи приносили и голос твой,
который я слышала всегда
Он летел через зимы и вёсны,
дожди и капли...

Твой голос
возвращался ко мне
молочной кисеёй тумана поутру,
а я видела маленький белый пароход,
на котором однажды
уплыло куда-то
наше тёплое лето.

Как давно это было...

ОН

Гляжу в твой календарь,
а он –
как твоё недописанное письмо:
нет февраля!
И ничего не случилось.
Не рай и не ад,
не предел и не вечность...

всего лишь месяц пропал –
один из двенадцати.

Что ж, твоя воля...
И пусть никто –
или не сразу –
не заметят,
пройдут,
подняв воротники
и ёжась под зонтиками.
В этой жизни –
что дождь... что снег...
какой там месяц?!
Была бы погода.

Опомнись! Оглянись!
В твоём изреченном саду
среди твоих цветущих кустов
бродят месяцы,
не встречаясь друг с другом:
распалась цепь времён года:
нет февраля.

Но вот же он –
словно росстань:
здесь простимся с зимой...
снежный мех...
промёрзшие окна...
льдинок острый блеск...
и ты далеко...
Но простим невзгоды, прогнозы,
простим метельные рассказы,
что жизнь замерла,
навек выбеленная...

Пусть не кроток февраль,
пусть даже крут –
но короток...
шагнём рука об руку
и подступим к весне налегке.
И подснежники,

и юное ожидание чуда...
И снова, и снова...
всё – снова!
И счастливы – как никогда!
Так как же ... и без февраля?

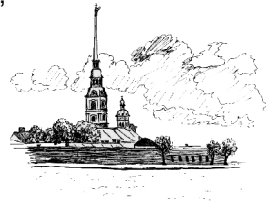
ОНА

Как я люблю твои письма...

Если бы ты знал,
как я люблю их,
и жду,
и верю,
и надеюсь...
Я ведь уже говорила тебе об этом,
помнишь?
Твои буквы,
рассыпанные по белому листу,
складываясь в слова и реплики,
и предложения,
готовые выпорхнуть из конверта
и попасться мне на глаза,
и прыгать перед глазами,
пока я не успокоюсь от необъяснимого прилива радости
оттого, что письмо, наконец, получено.
Сегодня февраль,
вторую неделю утопающий в метелях,
а письмо твоё
опять и опять,
как тогда –
давным-давно
пахнет белой персидской сиренью...
Значит, и наш февраль –
в аромате белой персидской сирени?
Но как ты смог не заметить его,
скажи?
Ты столько раз проходил мимо
и ни разу не споткнулся о него?
И старик Иоганн ни о чём тебе не напомнил?

Ты был настолько пьян его Фугой,
что потом позабыл обо всём на свете,
не заметив февраля,
который вертелся у нас под ногами,
притворившись инвенцией...
Помнишь?
Бедный и выюжный,
наш сиротливый февраль...
Как долго мы искали тебя
в переулках судьбы
продираясь сквозь заросли орешника,
царапаясь обнаженными строчками о шиповник,
пьянея от черёмухи по весне
и отдавая всю горечь нашу морозной рябине после
первого снега...
Сиротливый,
бедный и выюжный февраль...
Ты не встречался ни с кем, потому что был одинок.
Ты слышал только музыку ветра,
потому однажды,
когда старик Иоганн предложил тебе другую мелодию,
ты задохнулся от счастья,
доселе тобой не познанного.
Задохнулся и...
поспешил забыть,
потому что, оказывается,
так нелегко тащить на своих плечах счастье...
Наш февраль на излёте...
Что ещё он может сотворить напоследок, скажи?

Высоко-высоко,
над деревьями,
кружится,
заплетаясь причудливой баховской фугой
ночной ветер,
подпоясанный снегом умирающей зимы,
а под ногами,
на земле,
уже чернеют большие лужи,
обнажив на улицах города
израненный временем асфальт.

И где-то впереди – юное ожидание чуда,
и подснежники,
и...

Как я люблю твои письма...

ОНА

Синицей – погреться в руках – зафевралили выюги
и ветер не спал до утра, чертыхаясь истошно...

А нам – всё равно...

Мы у Баха в гостях пили... фуги
и он говорил,
что с Токкатой – и вкусно, и можно,
а если ещё в Ре миноре, –
то привкус особый...

Да что ему, Баху, февральские наши метели!

Конечно, он – Бог...
но на вид –
будто парень толковый,
(мы даже, что Бог-то, не сразу заметить успели.)

Зима на дворе, что капризная дура-девчонка,
под звуки инвенции рядышком с домом вертелась,
февраль под сурдинку шептал Себастьяну о чём-то,
свеча догорала, а нам уходить не хотелось...

ОН

Да, вчера
я загулял у Баха.
Мы пили новую фугу.
Не помню месяц...
да и день недели...
но помню – зима.

Мы с ним медяки не считали.
Нам хватило и зимнего серебра
для души и фантазии.
И дружеским вечерком
много света не надо:
нам друг с другом светло...
свеча над пюпитром –
и музыка.
Ничего мы не обсуждали...
Этим вечером –
ни суда и ни судей,
но музыка –
как возвращенье души
из зимы, из невзгод, из забот.
Если были грешны...
а наверное ж, были...
музыка – во искупленье.

.....

Прощальный аккорд.
И благословлённый музыкой,
я уходил...
но куда?
Где окно твоё с негасимой свечой?
Да, вчера
я загулял у Баха...
а было...
Мы вдвоём забегали к нему,
и смеялся он:
«Ах, молодость...»
И музыка, музыка...

ОНА

Последнее твоё письмо –
на пожелтевшей странице из нотной тетради,
которой у тебя,
я это знаю точно,
не может быть...

Просто
не может
быть у тебя
нотной бумаги!
Тем более, бумаги старинной,
с маленьким кусочком той самой Фуги
в самом начале листа,
которой нас угощали однажды...
Нет...
это я даже представить себе не могу,
не то что вымолвить,
но кажется,
что никакого значения не имеет
мистификация эта,
потому что
твоё серебро сейчас
дороже всего на свете...
То самое серебро,
которое вы разменивали с Маэстро
памятным снежным вечером,
сегодня вернулось ко мне
мелкой убористой россыпью
на старой нотной бумаге:
серебро февраля,
серебро нот,
серебро слов твоих
в серебре лет...
Я выключаю свет и зажигаю свечу,
чтобы ты смог по её огоньку
отыскать
среди множества освещённых окон
единственное –
моё.

ОН

Я заблудился в столетях.
Но в каждом
грезилась, виделась, снилась...
и воображалась – ты.

Как легко уходил
по своей страсти странствий,
мечтая,
что ты
то ли в оставленном городе,
то ли ещё не взошла
вместе с первой звездой,
то ли встретишь меня
на каком-нибудь перекрёстке
и пойму я: судьба.

Я заблудился в зиме.
На перекрёстке –
цветут снежинки,
играя
в тусклом свете
одинокого фонаря.
Что за цветок
светился в твоём окне?
Но снежинки, снежинки...
Какая безжалостная красота!
А вокруг – зимняя тьма...
хотя бы крошечный свечный блик
в стороне от перекрёстка,
в стороне от промёрзшего одиночества.
Но двери – намертво,
ставни – наглухо...
в городе зимняя ночь.

Жил страстью странствий
и не задумывался,
куда вернусь... когда вернусь...
Город сгинул в зиме.
Лишь один фонарь
на заснеженном перекрёстке.
А мы
по музыкальной ниточке
так легко находили друг друга...
отзовись!
Ночь, молчанье,

мельтешенье колючего снега...
и нет мне пути.

В который-то раз
замёрзшей рукой
я пишу по неверному снегу:

– Люблю. Я вернулся.

Но – что слова?!
Была бы музыка...
Снег, снег...
замётён белый свет.
Где дорога к тебе?
Или город не тот
и столетье не то...
Может быть, потому и зима,
что ты – нездешнего места
и нездешнего времени?
Отзовись!
Я дойду!

ОНА

*«...Какая музыка была,
Какая музыка звучала...
Она совсем не поучала,
А лишь тихонечко звала...»*

Юрий Визбор

Это была наша с тобой музыка,
и ничья больше.
Потому она и запомнилась,
потому и помогала искать
и находить друг друга
среди истрёпанных временем столетий,
новогодий,
праздников,
буден
и бед...

Эхо,
услышанное в маленьком заснеженном городке
среди метельной ночи,
приносило ту самую мелодию,
однажды украденную нами у счастья.
И становилось теплее,
и снежинки,
дремавшие на стекле,
таяли,
таяли,
таяли...
И зима отступала,
точно так же, как и сейчас,
готовая утонуть в солнечных мартовских лужах,
которым конца и края нет.
И так много солнца
в холодной,
почти ещё зимней воде,
так много солнца!
Оно повсюду:
скачет-перескакивает по крышам домов,
прыгает по мокрым улицам,
по большим помпонам разноцветных шапок,
садится на плечи и воротники,
на ресницы и щёки,
оставляя рыжие веснушки на память...
Оно касается губ...

А влажный весенний ветер,
задыхаясь от счастья,
разносит по городу твоё «Люблю-ю-ю-ю-ю!!!»
и смеётся,
смеётся,
кувыркаясь на весенней мостовой,
танцуя возле нашего фонаря,
под которым
мы с тобой целовались когда-то,
целовались,
целовались...

Я слушаю ветер
и слышу тебя,

и радуюсь,
и отзываюсь,
и жду...

ОНА

Была ранняя весна
какого-то года
прошлого столетия,
помнишь?

Мы шли по Английскому проспекту
и повернули налево,
дойдя до улицы Декабристов.
Ты читал стихи,
иногда забывая знакомые строчки,
которые я тоже знала
и легко могла подсказать тебе.

Ветер,
безумный
и любимый нами питерский ветер
заглушал и наши шаги по незнакомой улице,
и твой голос,
который желал сейчас звучать строфой Блока:

«Весна в реке ломает льдины,
И милых мертвых мне не жаль...»

Мне было жаль мёртвых...
Всех
и каждого в отдельности,
и именно сейчас –
жаль, как никогда,
потому что счастье
летело впереди нас
и путалось под ногами так,
что мы спотыкались о него.

Подумать только:
спотыкались о счастье...

А надменная Нева,
(мы видели вчера!)
действительно ломала льдины
и тащила их куда-то...
Куда?
Да кто ж её знает,
куда гнала
оставшийся от зимы холод
своенравная река...

«Ветер принес издалёка
Песни весенней намок,
Где-то светло и глубоко
Неба открылся клочок...

В этой бездонной лазури...»

Ты споткнулся не только о наше счастье...

Ты споткнулся на строке
и шёпотом произнёс: «Опа...»,
а я посмотрела на тебя,
но ещё не поняла ничего
и ждала твоего объяснения.

И ты понял,
что я, как и ты,
споткнувшись о наше счастье,
ничего не поняла,
потому снял перчатку
и развернул мой подбородок к вывеске,
которая сообщала нам,
что мы подошли...
к музею-квартире
любимого нами Блока.

Я медленно отходила от стихов,
которые только что слышала,
от ветра,
настойчиво подгонявшего нас в спину,
от твоего неожиданного «Опа!»,

которое, как казалось, было совсем не к месту
среди весны,
стихов,
Блока
и нашего счастья.

– Ой..., – еле слышно вырвалось у меня.

– Вот тебе и «Ой...», – произнёс ты и достал сигарету.

Ветер тушил огонь,
ты нервничал,
а я...

Помнится,
я растерянно стояла пред табличкой,
на которой значилось,
что это есть музей-квартира Александра Блока...

Я стояла молча
и пыталась соединить
в себе и для себя то,
что сегодня происходило с нами,
с тем,
к чему мы сейчас подошли...

«Смотри: я спутал все страницы,
Когда глаза твои цвели.
Большие крылья снежной птицы
Мой ум метелью замели.», – стучало в голове...
Мы стояли у входа и медлили,
не решаясь войти,
потому что...

«Потому что так, наверное, не бывает», – думал ты.

«Почему не бывает?» – пыталась понять я?

Мы, конечно, знали, что
«...в книгах – сказки,
А в жизни – только проза есть.

Но для меня неразделимы
С тобою – ночь, и мгла реки,
И застывающие дымы,
И рифм веселых огоньки...»

Но именно сегодня
всё каким-то образом сложилось:
и ночь,
и дымы,
и рифмы,
и мгла реки,
и потом...

И потом –
весёлые огоньки рифм
привели нас
к Блоку.

Ты загасил сигарету,
опустил голову,
чтобы секунду побыть наедине с собой,
взял меня за руку
и потянулся к тяжёлой двери...

Я оглянулась...

«В этом доме жил... и умер Александр Блок».

«Смотри: я спутал все страницы...»
словно говорил нам поэт,
и верилось,
что в жизни есть не только проза.

Он

Я проснулся сегодня рано –
счастливым скворцом,
который вернулся домой.
Что приснилось под утро –
не вспомнить,
но вот же – помню:

было чудо,
потому что...

И день открылся
во все стороны света:
такая свобода и вольница...
Свернув с дороги на луг,
я понял самую суть травы –
обычной травы,
оберегающей землю
и собирающей росы и дожди...
я понял: трава бессмертна.
А сейчас над ней
собираются пышные облака –
и будет обильный дождь.
Бессмертна трава,
бессмертны свобода и вольница,
потому что...

Мне стали вдруг
глубоко безразличны враги
и гораздо дороже друзья.
Но враги
всё ещё живы,
а друзья...
Но вечером
на берегу реки времени
я разложу костёр
из самых необходимых воспоминаний...
и сбудется братская встреча,
потому что...

Да, я вернулся
из крошечного забытья.
За душой – только сон
с нераспознанным чудом.
И как на ладони –
твой Питер,
и Поцелуев мост,
и на Дворцовой площади
всё так же воркуют голуби,
потому что...
потому что ты любишь меня.

ОНА

Страница из Дневника

*...А ежели назреет очень
И сдерживаться тяжело,
Скажи, как будто между прочим
И не с тобой произошло...*

Давид Самойлов

«Мост «Поцелуев»... Белые ночи...
Нам поцелуй, ах, превозмочь бы...

Музыка где-то... Слышишь? Откуда?..
Ночи волшебной – белое чудо...

Мы заблудились... Мост «Поцелуев»
Нас этой ночью счастьем балует.

Белые ночи нас повенчали
То ли с любовью, то ли с печалью.

Белые ночи... Белое небо...
Мост «Поцелуев»... Правда ли?.. Небыль?..»

Написала я в начале этого века,
когда белая ночь укрывала нас дымной кисей,
а мы с тобой были до глупого счастливы
и приходили на Поцелуев мост,
полные трепа и неги...
Нам казалось, что никого не было рядом,
даже той восторженно – молодой толпы,
взявшейся среди ночи неизвестно откуда
именно на этом мосту...

Мы выходили на любимые улицы ночью
и бродили до утра, совершенно не думая,
куда они нас заведут – приведут – выведут.
Вокруг (и в нас!) было торжественно – тихо,
мы смаковали кисейную тишину и,
боясь нарушить её, говорили шёпотом.

Однажды ты почти повелительно произнес:

- Завтра наденешь другие туфли!
- Почему? – спросила я, поняв тебя прекрасно.
- Чтобы тебя не было слышно, – чуть мягче произнёс ты.

В следующую ночь мои любимые коралловые туфли с
металлическими набойками дожидались хозяйку дома.

Ты был великим выдумщиком. Вот и сегодня вдруг
сообщил, что нам нужно съездить на главную почту СПб,
чтобы я могла получить письмо «до востребования».

- От кого?
- Терпение, друг мой... Получишь и узнаешь. Если
получишь.

Мы вышли на станции метро «Невский проспект» и
отправились на почтамт.
Меня на части разрывала интрига, ты же держался
подчёркнуто спокойно, шёл, что-то мурлыкая себе под
нос, совершенно не обращая внимания на моё
разрывание на части. От твоего спокойствия меня
разрывало ещё больше.

Сказать о моём удивлении при получении письма до
востребования в чужом городе, это не сказать ничего.
И только когда я опознала на конверте твой почерк...
Я пулей вылетела из зала и... увидела тебя, стоящего в
стороне и нервно разминающего сигарету. Ты не курил,
что было странно... Стоял и нервно мял длинными
пальцами сигарету.

Значит, не только меня разрывало на части любопытство,
когда мы шли за письмом.

Я хотела притвориться полным безразличием, но поняла,
что шанс упущен, потому что письмо еще не было
прочитано, а потому, не зная его содержания, играть
безразличие было бы, по меньшей мере, глупо.
Оставалось одно: возмутиться.

Я и хотела было, но ты не дал мне и этого сделать,
предложив прочитать письмо, но сначала...

Но сначала...

«Ваш нежный рот – сплошное целованье...
– И это всё, и я совсем как нищий.
Кто я теперь? – Единая? – Нет, тыща!
Завоеватель? – Нет, завоеванье!..»

* * *

Когда я распечатала письмо,
там
знакомым нервным почерком
было написано:
**«ОБОЖАЮ. Впервые в жизни. ВСЁ.
Не сходи с алтаря!»**

* * *

...Души печаль,
очей очарованье,
Пера ли росчерк – ах! –
не всё равно ли,
Как назовут сие уста...

Ночь...
Улица...
Фонарь...
Аптека...

...время от времени я открываю большую старую
коробку, чтобы ещё раз...

...и на Дворцовой площади
всё так же воркуют голуби...

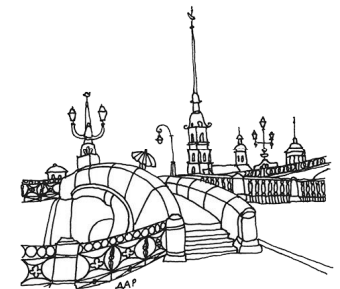
Он

Я не люблю тебя.
Что мне Город твоей мечты?!
Я живу далеко...

степь да степь...
Половецкие истуканы
стерегут тишину,
охраняют покой
и берегут в земной глубине
такое прекрасное,
такое заманчивое
скифское золото.
Они бы сошлись,
они бы сплелись –
твоя причёска,
полная ветра,
и затейливое рукоделье
далёких предков.

Но я не люблю тебя.
И Город мечты,
твоей мечты и Серебряного века,
мне только приснился однажды:
и ты –
паруском –
над Маркизовой лужей
с чайками наперегонки,
и старый трамвай,
дребезжащий на Васильевский остров,
и Поцелуев мост,
на котором поцелуи
перехватывают дыхание
так,
что кружится голова.

Но я же
не люблю тебя.
Да, мечтал –
а это было давно.
Поначалу – Прекрасная Дама,
и стать неземная,
и душа – вся вселенная...
Потом Незнакомка –
из неведомой жизни,
с недостижимого берега...

И скажи,
а не ты ли
приснилась мне юной Донной,
женой каменного Командора?

Сколько жизни прошло...
Я тебя по-прежнему обожаю.
А голуби на Дворцовой площади
напоминают своим воркованьем
забытое
и в чём признаться сам не могу:

– Люблю... люблю...

ОНА

Я помню это письмо от тебя –
то ли ожог,
то ли холодный душ
первой строчкой, –
будто наотмашь.

Письмо,
из которого была прочитана всего одна строка,
валялось на полу в гостиной,
а я курила в открытую форточку
и тупо смотрела на лужи за окном,
на морсящий над цветными зонтами дождик,
на рыжую собаку,
тоскливо сидевшую под козырьком
на крылечке маленького магазинчика,
что был как раз против моих окон.

Хорошо, что осталась пачка сигарет,
некогда забытая тобой в спешке.
«Я не люблю тебя...» –
кувалдой стучало по вискам,
рука с сигаретой дрожала,
ноги подкашивались,
ветер задувал дым в комнату.

Захотелось под дождь.
Захотелось к той самой собаке,
которая одиноко грустила на мокром ветру.

Захотелось не быть одной.

И... позвать собаку в дом...
Позвать и оставить навсегда.

Мысль уже заработала в другом направлении,
в нормальном направлении заработала мысль:
если пригласить собаку в дом,
то её надо накормить,
а потому:
кухня,
холодильник,
морозилка...

Есть!

То ли рёбра, то ли рагу.
И что-то из курицы.
Годится!
Дождь идёт,
а собака сидит на крылечке.
Только спокойно!

И чёрт с ним!

И с его дурацким письмом – чёрт!

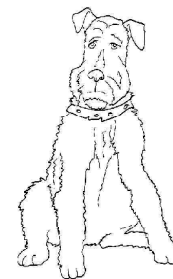
Отомстил?

Не пережил ссору?
Ну да, как же, где уж!

«Я не люблю тебя»...

Подумаешь, господи!

И не люби!

(Но чем больше думалось именно так,
тем настойчивее текли слёзы)

Я напяливала на себя старые джинсы и смотрела в окно:
только бы не ушла собака,
только бы она не ушла...

Молнию заело!

Вот так всегда, когда надо быстро...

Ладно, потом разберёмся с молнией,
а пока можно застегнуть на пуговицу,
под свитером не видно.
Вот так всегда.

Накинув куртку и выскочив в подъезд,
я скатилась с третьего этажа
и распахнула дверь в осень.
Дождь шёл,
зонты, покачиваясь разноцветными полусферами,
плыли под серым небом,
трамваи отстукивали время,
а собаки...
моей собаки на крылечке магазина уже не было.

Не было моей собаки на крылечке!

Осталось только «Я не люблю тебя»
и этот затянувшийся дождина.

Как же она?..

Где, куда?

Почему?

Ведь сидела на крыльце, долго сидела...

Может, ждала хозяина и ушла с ним?

В это хотелось верить меньше всего.

Неожиданно самым ужасным оказалось...
отсутствие одинокой кудрявой собаки,

которая была мне необходима сегодня, сейчас,
навсегда.

«Может, никакая она не одинокая, погулять вышла», –
думалось мне, пока я медленно, спотыкаясь на
ступеньках, возвращалась домой, обнаружив, что дверь
квартиры осталась распахнутой.

Более идиотской мысли, чем про собаку, вышедшую
погулять в дождь, мне сейчас представить было трудно.

Письмо лежало на полу и дразнило.

Как дождь, который не кончался вторые сутки,
как собака,
сидевшая на крыльце и вдруг куда-то исчезнувшая.

«Я не люблю тебя»...

* * *

Сейчас уже не вспомнить, что заставило меня поднять
письмо и, прежде чем оно было бы разорвано на очень
мелкие кусочки, потрудиться прочитать его.

Сейчас уже и не вспомнить, но что-то заставило...

«Я не могу сказать тебе это слово: «Люблю!».

Даже в разыгравшемся воображении, хотя в «Феврале»
мелькнуло.

Всё началось с самого первого впечатления, которое
усиливалось, несмотря на случившиеся разногласия.
Не спрашивай, по каким причинам, всё равно не смогу
ответить. И вот наткнулся на точное слово: обожаю.
И сразу всё про себя понял. И про тебя всё понял для
себя. После всего, что сплёл из слов, после всего, что
случилось с нами и пережилось, после разных
настроений и мыслей – Ты.»

А дальше были твои стихи, которые полюбила ещё
раньше, чем узнала тебя.

Между «Я не люблю тебя» и пронзительным «Люблю...
люблю...» целая жизнь уместилась, вместе с осенью,
дождями и светом, который настойчиво пробивался
сквозь серую пелену сентября.

«Я тебя по-прежнему обожаю...
Сколько жизни прошло...»

Я посмотрела в окно:
на крылечке
под козырьком
сидела золотая собака,
что была одного цвета с осенью.

Сидела и ждала.
Больше она не должна была исчезнуть,
не должна была!

Не должна!

Я бросилась в дождь.

Он

Я помню –
и память пока спасает
от весеннего наважденья.

Помню:
придумал тебя...
давно...
романтик и фантазёр,
словно саженец,
у которого нет ещё памяти,
но есть мечты...
А мечты совершенно по-птичьи
расселились в моей юной кроне –
и среди них
была мечта о тебе,
самая певчая.
Верил:
мечта надёжна,
как земля под ногами.

Так премудрый царь Соломон
придумал Возлюбленную

и спел ей Песню всех песен –
и Возлюбленной молятся,
потому как это ж безбожно –
не молиться Любви.

Так тихий Петрарка
явил себя скульптором:
из нежнейшей материи
он придумал Лауру...
она стала Небесной Невестой
всех влюблённых и поэтов.

Кто-то придумал Изольду,
кто-то – Донну Анну,
кто-то – Ассоль...
твой Поэт – Незнакомку.
С годами
во мне
образ дерева...
нет, не засох,
но как бы истлел,
оставив грустное знание:
я придумал тебя.
И жила душа –
как в безвоздушном пространстве.

Но – на мосту Поцелуев – весна.
Воздух пронизан пьянящим эфиром
слов и строчек Поэта.
И я впервые услышал,
как звонки твои каблочки.

Но я же придумал тебя!
А ты – вот.
И смеёшься
своей загадке, щекочущей душу,
солнечным рыбкам,
мельтешащим по ряби Невы,
голубям,
навечно обжившим Дворцовую площадь...
но больше смеёшься

моей растерянности и забывчивости
и пальцем выводишь в воздухе
букву за буквой – строку...
и снова смеёшься,
когда я не распознаю стиха.

Но я,
замирая от нежности,
выдохну слово
в завитки на твоём виске...
и проснусь?

ОНА

...и проснёшься...
и меня разбудишь
ещё одной тихой сказочкой своей,
которую
разве забудешь когда-нибудь?

А потом окно распахнёшь в утро,
забелённое невым туманом...

Солнце ещё далеко-далеко где-то
то ли прячется,
то ли пока не проснулось,
может,
выглянет из-за тучи,
может,
подразнит нас
деньком пасмурным и ветром промокшим,
прилетевшим через ночь с Ладоги...

Ты придумал меня,
под себя вылепил,
вместе с алтарём.
И сам же мучаешься,
потому что на алтаре удержаться – как?
Да и нужно ли?

«Не сходи с алтаря!»

Но я так благодарна тебе и за алтарь,
и за вымысел чудный...

«И ни слова!
Чтобы ни алтарь, ни моё воображение не испарились!
Ни слова, прошу тебя!
Спокойной ночи!»

Приказ?
Просьба?
Заклинание?

**«Обещанное письмо я отправил тебе,
а ты его почему-то не получила...»**

Я получила.
Вчера
и сегодня –
получила,
и получу завтра.

Ты придумал эту игру с письмами,
потому что...

Я получала письма от тебя почти каждый день,
хотя ты был рядом,
но тебе казалось,
что не всё можно сказать-высказать,
даже произнести вслух можно не всё.

Ты придумывал свои удивительные сказки и говорил со
мною через них.
Ты нашу жизнь превратил в один незабываемый сюжет,
который, казалось, жил отдельной от нас жизнью, разве
что дышал одним воздухом с нами.

**«...Но я готов каждое утро писать тебе хотя бы
пару строк. Вот сегодня...
Ночью мороза вроде бы не было, а с утра
срывается снежная крупа.**

*Хочется тепла, но и без погоды будем жить...
Будем?»*

«Не сходи с алтаря!»

Я стараюсь,
но кажется мне,
что выходит всё хуже и хуже.
И алтарь трещит по швам,
и я теряю равновесие,
потому что всё, что ты придумываешь, –
совершенно, но...
к а к
удержаться
на твоей
высоте?

ОНА

Она до сих пор жива –
эта старая,
с подбитым крылом,
большая чёрная птица,
которая время от времени
прилетает к нашим окнам,
садится на карниз
и сидит долго-долго,
нахохлившись,
будто пытается вспомнить то,
что ей никак не удаётся забыть.
Когда ты открываешь форточку
и бросаешь ей хлебные крошки,
она улетает,
не желая принимать твоей милости.

Однажды ты написал о ней Сказку,
может быть,
одну из лучших своих волшебных сказок,
но она улетела из неё
и до сих пор болтается по миру
в поисках придуманного тобой счастья.

- Какая странная птица...
- Потерянная, – поправил ты.
- Почему?
- Она отбилась от стаи.
- Верни её в свою сказку.
- Она не умеет жить в сказках.

Как-то осенью мы встретили её в Летнем Саду,
Птица сидела на голове статуи Ночи и смотрела по
сторонам.
Увидев нас, она слетела вниз
и прошуршала по осенним листьям прочь,
иронично демонстрируя нам своё полное безразличие.

- Что она хочет? – спросила я, поёживаясь.
- Ищет то, что ей никогда не удастся найти.

ОН

Вся жизнь, как строка,
а в строке – всего одно слово:
– Люблю.

ОНА

...я возьму это единственное слово,
чтобы в озябших ладонях
вынести к солнцу,
и укрою от ветра,
тёплого, но порывистого,
который легко сможет вырвать его из рук
и унести куда-то далеко-далеко...
Ищи потом, если сможешь найти...
Всего одно слово,
в котором Вселенная сжимается до выдоха «Люблю...»,
и тихо становится на Планете,
потому что, когда «Люблю...»,
не может быть шума,

иначе разволнуются ночные фиалки,
и бабочка упорхнёт с голубого цветка,
а ты,
утонув в земной суете,
не услышишь,
о чём прошептал полуночник осенний дождик,
неожиданно заглянувший в гости к бабьему лету.

Люблю...
в молитвенном свете луны*,
и в аромате вечерней ветки сирени,
и в романсе для двоих*,
когда по сказке –
с конём красным,
осенью очарованный, –
Люблю*...

Бесконечная дорога –
как один верлибр.
И ты идёшь по этой дороге один,
долго идёшь,
плутая по переулкам памяти и ухабам её,
и вся жизнь твоя –
как монолог,
и каждый твой день –
полувыдох единственным словом
«Люблю...»,
которое возвращает эхо
рассветной дымкой,
или полуденная синева
вдруг принесёт тебе отзвук его
на крылышке голубого мотылька,
или ковыль в закатном солнце
пропoeт для тебя свою вечернюю песню,
а где-то,
далеко-далеко,
неизвестная звезда,
почувствовав трепетность твоего «Люблю...»
навсегда упадёт
в бархатную ночь августа...

ОН

Ты – мой случай. Или есть всё же судьба? Но молодость
права: мечты надёжны, когда они в твоей крови, когда
душе без них не дышится.

Было ли... да кто же вспомнит, кто скажет?! А если это
один из случаев воображенья, так что же – не было?
Но болела и волновалась душа, разум копошился сам в
себе, не находя необходимого слова... то душно,
то озноб, даже походка меняется так, что подчас на
щиколотках вырастают крылышки – или не могу шаг
шагнуть, окаменевая истуканом в уличной толчее.
Нет, не бред... наверное, время... весеннее наваждение,
томление духа...
И что же – не было? если и случилось в воображении...

Красной путеводной ниточкой тянется твой след из моей
ранней молодости в нынешнюю весну. Так как же хоть
кто-нибудь посмеет сказать, что тебя не было, если ты есть?

Всегда рассчитывал прежде всего на себя. Был уверен:
случись что, я схвачу себя за шиворот и выдерну из
любых обстоятельств. И так жил.
Но сегодня... да, жил мечтой, а сейчас – не верится...
даже когда ты осторожно трогаешь моё плечо своей
маленькой ладошкой и читаешь стихи Блока.

Молодая, ты мудрее меня: если хочешь спасти себя –
спаси хотя бы пса-бродяжку без рода-племени...
накорми, обиходи... придумай псу биографию, подари
ему общение как судьбу... вот и спасение – если не от
одинокства, то от безнадёги.

Заметил, что в дневнике я стал часто ошибаться, думая
о тебе: вместо «себя» у меня выписывается «тебя» –
«у тебя, для тебя, к тебе»...
Неужели даже одна буква может о чём-то
свидетельствовать? И я спасаюсь в тебе?

Показалось: ты мелькнула вдоль решётки Летнего сада.
И повеяло весной...

ОНА

Э.Григ – Одинокый странник

Оторвался
от ветки осенней
листок,
и понесла его голубиная почта
песней лебединой
через реки-моря
да Фугу февральскую,
многоголосием обрамлённую,
что на посиделках баховских
испивалась ночью снежной
в веке давешнем
при свечах оплывающих...

В март-апрелью синь
наземь его опустило...
когда пробуждающееся многотравье
во степи шальной уже соком наполнялось.
Листву осеннюю сжигают по весне...

В жаркий костёр угодил листок,
оторвавшийся
от ветки осенней,
прилетевший
через Фугу февральскую
в март-апрелью синь...

ОН

На вертикальных строчках
ограды Летнего сада
я развешу пять нот
из соловьиного словаря.

Знаю,
ты и сегодня –

как обычно –
пройдёшь мимо.
Припомнишь мальчишку,
на бегу –
ветерком –
гремевшего палкой
по прутьям ограды.
Но даже нахмуриться не успеешь,
потому что услышишь
пять нот –
короткую фразу
из соловьиного словаря.

А в Летнем саду – весна.

А равнодушной весна не бывает.

Она по-сестрински
присоединится к тебе,
приобнимет,
напевая долгую песню –
и пусть в песне
всего-то пять нот,
но они –
из соловьиного словаря.

В стороне от весны,
в стороне от тебя,
словно в затхлой подворотне,
корчится маска
карнавала кумушек и кликуш.
Нет в карнавале
ни Летнего сада,
ни моста заповедного,
ни голубей на Дворцовой –
лишь завистливые бредни
да чьё-то скрипучее слово
про любовь,
перечеркнутую
вороньим пером.

Но ни мне,
ни тебе,
ни весне...
что нам взгляды косые
и что нам любая погода?!

Весна разошлась во все стороны,
охватывая город,
стихают гнусавые подголоски.
А у нас впереди – встреча...
И пусть будет белая ночь.
И я сам пропою тебе,
прокричу над Невой
пять нот из соловьиного словаря:

– я – те – бя – люб – лю...

А ты рассмеёшься
И скажешь:
– Мальчишка...

И весна никогда не кончится.

ОНА

Я буду собирать твои ноты
по-од-ной
с решётки Летнего сада –
как жемчужины
со дна морского –
пять нот из соловьиного словаря...

Я услышу их
и узнаю твой голос,
и пёс наш, масти осенней,
почувствует тебя
и побежит к тебе,
и уткнётся в колени твои,
повизгивая от радости,
и будет крутить хвостом,

и прыгать рядом,
и тащить тебя ко мне,
наступая на твои ноги
и спотыкаясь о них...

Всего-то пять нот?

Всего-то пять,
но...
Ничего не может быть лучше,
когда весна не кончается...

Ничего...

И ты это знаешь,
и я знаю,
и наш золотой пёс, цвета осени,
узнаёт их,
и никогда не ошибается,
никогда,
потому что и для него
они –
самые важные –
пять нот из соловьиного словаря:

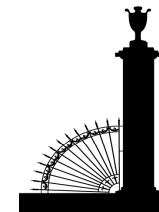
– я – люб – лю – те – бя –

ОН

Я не спорю с тобой.

Ты права в своей молодости.
Ты права своим смехом.
Ты права даже тем, что
любишь только Блока –
и нет для тебя поэтов других.

Ты права,
но это
лучше всех

и лучше меня понимает
твой пёс.

Встретив тебя,
я оборвал счёт потерь и утрат.

От памяти не отказался,
но ты явилась мне
больше памяти –
и я не спорю с тобой.
Пусть случилось с тобой
осеннее настроение.
Твой последний осенний листок
сгорел в апрельском костре,
никуда не долетев.
Но это ж погода...
дождь с утра...
обещали и зА полночь...

Гладишь пса –
и молчишь.
И я молчу
и почему-то не спорю.
Но не хотелось бы мне
снова вернуться в память.

И я подзываю пса.
Бывший бродяга,
он поймёт и меня,
как понимает тебя.

И помолчим?

Ты права...

ОНА

Целую горсть жемчужин
набирали мы с нашей собакой,
чтобы привезти их тебе
от нас

на память,
навсегда.

Это было нашим тебе сюрпризом.

Ты не ждал,
хотя и думал о нас каждую минуту:
не ждал,
но думал,
думал,
но не ждал.

И такая долгая верстовая тоска
пролегла между нами,
такая долгая:
тысячи километров тоски!

Казалось,
ни начала ей не было, не будет и конца.
И собака,
которая стала нашей общей собакой,
тоже грустила:
лежала и грустила,
гуляла и искала тебя,
смотрела на меня и вопрошала:
«Где он?».
Я объясняла,
а она слушала внимательно и...
ещё тоскливее смотрела мне в глаза:

«Где он?»

– Послушай, – говорила я ей, раздражаясь. –
Ты же понимаешь,
что по-другому пока быть не может.
Ты понимаешь?
(собака отворачивалась и вздыхала).

– Ты понимаешь...

(и я гладила её кудрявую голову, и целовала в мокрый нос,
и трепала лохматые уши)

– Если ты всё понимаешь, значит...
наберись терпения и жди.

Твоя загородная жизнь набирала обороты,
текла напряженно, но размеренно,
оставляя где-то позади шум и суету
городской жизни
и даже...
нашу неожиданную встречу,
которая уже скрывалась в кисее утреннего тумана,
принесённого с Ладogi.

Ты писал о весне,
но и в словах твоих,
и в непогоде
весны почему-то не было:

**«Холодает. Срываются первые капли. Пока дождь
не разошёлся, пойду наколю дров. Плохо, когда в
доме тянет сыростью и холодом...
что-то позднееосеннее,
а ведь всё готово цвести... нарциссы уже!»**

Террик научился по запаху распознавать твои письма
и, кажется, чувствовал их уже в подъезде,
когда конверт от тебя дожидался нас в почтовом ящике.
Он радостно прыгал,
пока я доставала письмо,
подвизгивал,
вставал на задние лапы и вилял хвостом,
впереди меня летел по лестнице
пока я не успевала за ним следом.
Он никак не мог дождаться,
когда же я сделаю всё необходимое,
чтобы потом
ничто не могло отвлечь нас
от чтения твоего письма,
в которое обязательно
любовно
вкладывалась
сухая травинка,
или листик

зелёный
берёзовый,
или
кленовый листок осенний,
или цветок полевой гвоздики,
которую ты засушивал,
чтобы присылать зимой
напоминанием
нашего
непридуманного
многоотравного – полнолунного
откровенного
лета.

Пока я читала,
Терри сидел и радостно вилял хвостом.

Пять нот соловьиного словаря...
Они прилетали с каждым твоим письмом
и...
возвращались к тебе снова...

Мы решили...
Именно так:
мы решили,
что нужно поехать на вокзал,
благо, что с проездными документами у Терри всё было
в порядке,
а потому следовало...
купить билеты...

Откуда-то издалека,
как из другой жизни,
потому что из другого века
тихо пела Марыля Родович:

«Сядь в любой поезд, будь ты как ветер...

.....

Листик зелёный зажми ты в ладони,
Прошное больше тебя не догонит».

Но сейчас почему-то очень хотелось,
чтобы мы
неприменно встретились с прошлым
и догнали друг друга,
потому что

целую горсть жемчужин
набирали мы с нашей собакой,
чтобы привезти их тебе
от нас
на память.
Навсегда.

Это было нашим тебе сюрпризом –
пять нот из соловьиного словаря.

ОНА

Ещё одно письмо от тебя...
И снова – пять нот соловьиного словаря...
Они прилетали с каждым твоим письмом,
чтобы вернуться к тебе снова...

Третий день подряд я слушаю нашу музыку,
созвучную твоим письмам,
которые есть переложение с языка музыкального
на человеческое наречие.

Мне кажется,
если бы ты написал:
«Послушай...»
и не сказал больше ничего,
я угадала бы совершенно точно,
что нужно включить,
чтобы услышать тебя.

И я бы не ошиблась.

Мы слушали это однажды в филармонии,
и когда последняя нота повисла в воздухе,

чтобы раствориться в тишине зала,
ты захотел уйти,
потому что услышанного
оказалось достаточно...
И нужно было успеть вынести
«Признание в любви» Шнитке
в осеннюю тишину,
пока оно не утонуло
в восторженной громогласной овации.

Мы...
успели...

ОН

«Милая моя фантастика...»

Старинная строчка всплывает в памяти,
как в озере.

«Милая моя фантастика...»

Впервые за столько беспросветных веков
ты близко,
ты почти рядом.

Впервые не нужно мне кружить по свету
и вглядываться в лица,
и вслушиваться в голоса...
Впервые так складываются часы и минуты,
что слышится музыка...

«Милая моя фантастика...»

В своём одиночестве я был счастлив немногим,
а сегодня
счастлив тем, что живу.
Кончаются странствия
иссякает одиночество...
И каждый день тем и хорош,
что в нём просыпаешься ты –
открываешь глаза... улыбаешься...
и продолжается весна.

Я потому и живу сегодня,
что будет завтра, а в нём –
и твоё утро.

«Милая моя фантастика...»

В ранний час я придумал тебе облака,
белые-белые...

ОНА

Я просыпаюсь рано
и распахиваю окна,
чтобы увидеть белые облака,
придуманные тобой для меня.

Они мне приснились сегодня,
но сейчас их нет,
всё небо заволокло тучами
и ветер остервенело бьётся о крыши,
ломает ветки на деревьях,
срывает рекламные щиты
и треплет их по улицам,
разгоняя редких прохожих,
перепуганных непогодой.

**«Впервые так складываются часы и минуты,
что слышится музыка...»**

Сегодня она другая...

Помнишь,
мы успели уйти с концерта,
когда только-только тишина опустилась в темноту зала,
и дыхание перехватывало «Признание в любви»,
которое всё ещё звучало в нас,
как, наверное, и в каждом,
кому посчастливилось услышать его.

Секунда,
другая,
третья...

Кажется, сердце бьётся так громко, что мешает слушать
тишину.

Ещё мгновение...

Тишина достигает апогея,
и сейчас взорвётся бесноватой овацией зал,
и если этого не произойдёт,
то его разорвёт от переполненности.
Ты берёшь меня за руку, и я повинуюсь.
Хорошо, что у нас
крайние места у выхода,
и мы никого не тревожим,
ныряя в занавес,
закрывающий тяжёлые двери.

Ещё не конец,
ещё будет второе отделение,
и мой любимый Вальс прощания из «Повести о
неизвестном актёре».
Ты говоришь,
что не хочешь никакого прощания
и ещё крепче сжимаешь мою ладонь.

Мы выходим на улицу.
За спиной – отголоски восторженной овации, которую мы
уже не слышим.

Мы идём по вечернему осеннему городу и молчим.
Ты закуливаешь.
Говорить не хочется,
потому что никакие слова сейчас не смогут быть сильнее
музыки Шнитке
и его «Признания в любви».

* * *

Я стою у окна
и смотрю на тусклый хмурый город
под свинцовым небом.

Всему своё время...

В прошлый раз
мы не захотели услышать
«Вальс прощания» Алфреда Шнитке.

...Я потому и живу сегодня,
что в моём завтра
будет и твоё утро?..

ОНА

Магистрал

По свече – твоя слеза,
Тень безмолвья – на стене...
Помолись на образа
Во далёкой стороне.
Песню новую сложи
На излюбленный мотив...
Пребывающий во лжи
Одиноко – сиротлив.
Пересохли родники,
Звёзды падают в ночи...
Всем сомненьям вопреки
Птица радости кричит.

1.

По свече – твоя слеза,
Остановлены часы...
Ты когда-то мне сказал,
Что давно потерял смысл
Ожидания того,
Что потом уйдет в песок.
Нет на свете ничего,
Что бы ты понять не мог.
Треплет письма суховей,
Остывает к ночи день...
Одиночества сильней
Тень безмолвья на стене...

2.

Тень безмолвья на стене –
Отсвет будущего дня.
До мурашек по спине –
Откровение огня.
Откровением души –
Неожиданный звонок,
Будто кто приворожил,
Будто не дожидаться мог,
Будто...
Что и говорить, –
Слышит небо голоса...
Не хватает сил просить:
Помолись на образа.

3.

Помолись на образа,
Фуги баховской испив...
Прочитаю по глазам
Ненаписанный твой стих.
По молчанию луны
Угадаешь мой секрет:
Незабудковые сны –
Дней твоих автопортрет.
Слышишь?..
Где-то музыкант
Вальс играет на трубе –
Тот, что юность танцевал
Во далёкой стороне...*

4.

Во далёкой стороне,
Средь готических высот,
Ты не думал обо мне,
Не искал созвучья нот.
В небесах терялся звук,
Мессой таял в облаках
И предвестником разлук
Оставался на стихах.
Увлекают за собой
Нынче вёсны – миражи...

О гвоздике полевой
Песню новую сложи.

5.

Песню новую сложи!
(Дождь поможет ледяной...)
Ты как будто бы не жил
Той неузнанной весной...
Было: стаей февраля –
Заколдованная жуть.
Не оттаяла земля,
Помешавшая вспорхнуть.
За решёткой – Летний Сад,
За околицей – разлив...
Напиши верлибром Март
На излюбленный мотив...

6.

На излюбленный мотив –
Нерифмованная суть...
Кто-то скажет: «Не красив!»,
Ты не слушай и забудь.
Пусть лопочет до утра,
Пишет пасквильную гнусь.
Ходит около двора
Угловато-сырый гусь,
Щиплет жухлую траву
У истоптанной межи
И плюётся в синеву, –
Пребывающий во лжи.

7.

Пребывающий во лжи, –
Отмороженный плебей!
Ты об этом не тужи,
Выпей, и ещё налей!
Заточи своё перо,
Обмакни в чернильный мёд...
Кто поставил на зеро,
Пустотой к тебе придёт.
Заметёт свои следы,

Переверёт на всё лады,
Снова выдумает миф.
Повернись к нему спиной! –
Полупишущий изгой –
Одиноко-сиротлив.

8.

Одиноко-сиротлив,
День выходит на порог
На обочине Земли
У просёлочных дорог.
Одевается в сукно,
Нервно курит без конца,
Пьёт дешёвое вино
У разбитого крыльца,
Просит истины глоток
И заносит в дневники:
«Сделал, видно, всё, что мог...
Пересохли родники».

9.

Пересохли родники?
Я не верю в этот бред!
Были реки глубоки,
Отражался в лужах свет.
Вышивал без узелков
Крепкой нитью золотой.
Отрывался лепесток
И летел над мостовой.
По движению планет
Вижу: музыка звучит,
Августа осенний свет,
Звёзды падают в ночи...

10.

Звёзды падают в ночи...
Загадать бы мне успеть:
От стихов не отлучи,
Не пускай вдогонку смерть,
Дай испить святой воды,

Дальше отведи беду...
Скоро зацветут сады, –
По весне к тебе приду!
Посидим с тобой вдвоём
У извилистой реки
И, быть может, проживём...
Всем сомненьям вопреки!

11.

Всем сомненьям вопреки
И судьбу благодаря, –
Мы – два берега реки
Середины января.
Многозвучие – в одном
Песнопении зимы:
Говорили о былом,
Брали, будто бы, займы.
Отдавать пришла пора:
Тихим оттиском пера
Откровение горчит.
«Я тебя благодарю
За внезапную зарю!» –
Птица радости кричит.

12.

Птица радости кричит,
Растревожив чуткий слух.
Умоляю:
«Не молчи,
Голос твой пока не глух!
Утечёт разливом стынъ,
Половодьем сгинет лёд...
Слышишь радостное «Дзынь!»?
Вдохновение идёт!»
Ты взволнованно молчишь...
Очищением души
Станет майская гроза.
Март-апрелевый туман
Подсказал дорогу в храм.
По свече – твоя слеза...

ОН

Сегодня,
стоя на Поцелуевом мосту,
я счастлив.

Счастлив,
хотя и знаю,
что будет когда-нибудь
последний час
или миг.
Но сегодня –
я счастлив...
и добродушно благословляю
свою смерть:
ты со мной – не торопись,
но и не мешкай,
решай спору, без проволочек –
не топчись на моей тощине.

Было – я говорил:
между жизнью и смертью –
одиначество.
Но сегодня гляжу...
но сегодня –
нет одиночества...
белая ночь.

Белая ночь –
давним-давний сон,
юный сон,
очарованный ликами Мадонн
и строками Поэта.

Время перевернулось?
Время возвратилось
и восстановилось?
И снова есть время?

В музыке белой ночи
слышу сердце твоё,

и руки твои
светятся навстречу мне.

Хочется,
думается,
верится:
настоящее счастье
должно быть таким...
таким – как белая ночь.

Ты – моя белая ночь...
и рассвета не надо.

И снова есть время,
потому что есть ты.

Белая ночь...
ни звезды...
только ты!

Вместо эпилога

ОНА

Август – падением звёзд...

Я загадаю...

Флейта роняет хрусталь –
больно не слышать...
Птицы уже собираются в шумные стаи,
дождь зачастил
и беседует с кем-то на крыше...

Августа астры –
как музыка предвосхищенья –
осени ранней дурманящее послевкусье...

Ночи –
падением звезд –

наше прощенье
или прощание с прошлым теплом светло-русом?..

Может быть, август –
калиновый вечер предтечи...

Больно не слышать его откровенного слова...

Я загадаю...

И если не сбудется встреча, –
Август –
падением звёзд –
снова
и снова...

ОН

Нет,
нам вместе не быть –
никогда!
Но –
если вдруг,
невзначай...
и содрогнётся округа
от блистающих взглядов
и взмахов руки,
и всё –
от досады,
от ненависти
и...
от любви?
Впрочем,
уже второй час.
Тебе пора спать.
И снова бесснежная ночь.
Всё так.
И мы никогда не встретимся.
Но если...
засыпая...

ты окликнешь меня...
я пришлю тебе снег
и свечу для тепла.
И если я...
если сердце моё споткнётся,
я шепну твоё имя –
ты протянешь мне руку
издалека,
но легко –
боль успокоишь,
дунешь в затылок
и смеясь пододвинешь
под руку лист:
– Пиши!
Да,
нам вместе не быть никогда!
Но мы есть,
а значит
это что-нибудь значит
для жизни твоей
и для жизни моей.

2011–2019
Ростов-на-Дону
Рязань

«Поцелуев мост». Анна Шулик

Примечания

А. Блок

Стр. 7, сонет 4. «Смотри, я спутал все страницы...»

«Соловьиный сад»

«Летит, летит степная кобылица и мнёт ковыль»

«Наш путь степной, наш путь – в тоске безбожной...»

Стр. 7, сонет 5. «Смотри, я спутал все страницы...»

«Соловьиный сад»

«Летит, летит степная кобылица и мнёт ковыль»

«Наш путь степной, наш путь – в тоске безбожной...»

Стр. 8, сонет 8. Бах – Токката и фуга ре минор // Ами Тюрк, Арфа <http://clck.ru/Ctqa3>

Стр. 36. И так много солнца
в холодной,
почти ещё зимней воде...

Парафраз на «Немного солнца в холодной воде» Ф. Саган

Стр. 44. М. Цветаева: Из цикла «Комедьянт» – «Ваш нежный рот – сплошное целование...»

А. Блок: «Ночь. Улица. Фонарь. Аптека...»

«...и на Дворцовой площади
всё так же воркуют голуби...» – строка Е. Феодорова.

Стр. 56. «в молитвенном свете луны» – строка Е. Феодорова.

Отзывы

Прочитала единым духом, потоком воздушным. Слова отступили, растаяли, стали мелодией. Неслышной, внутренней, льющейся прямо в сердце, пробуждая не мысли, но чувства. Песнь любви на два голоса, бесконечная, странная, единая и единственная. Такая хрупкая и трепетная, бессобытийная и густо живая, как сама музыка.

И в душе зазвучала в унисон моя история – запятанная, заплаканная, прекрасная и невозможная...

Спасибо!

Грибова Светлана 24.05.2017

Диалог двух душ впечатлил!

Вадим Константинов 2 18.04.2017

Прочитал. Сiju с блаженной улыбкой. Это же подарок. Настоящий дар! Спасибо большое, Ольга.

С Уважением,

Роман Смирнов 4 17.04.2017

Займусь осмыслением. Очень неожиданная форма, не читала такого вообще и у тебя не читала.

Это – лучше любовных романов.

Продолжение будет?

Удачи!

Ирина Нестерова 16.04.2017

Рецензия на «Книга о любви. Письма из старой коробки» (Евгений Феодоров)

Я поражена, заморожена, очарована. Это потрясающе красивое, необычное, возвышенное творение! Браво!!!

Ольга Матвеева Панфилова 24.07.2017

Рецензия на «3. Письма твои» (Миоль)

Восхитительно, бесподобно, Оля! Музыка строк!

«голос, живущий отдельно от тебя», и «шёпот затянувшегося осеннего дождя», и лепестки сирени, выпавшие из письма, и аромат степных ковылей, и туман, и теплоход...

А я по-прежнему слышу Чакону.

Маргарита Идельсон 27.12.2015

Рецензия на «Белая ночь. Встреча с Миоль» (Евгений Феодоров)

Слушаю твою музыку, Женя. Синица-Пленница.

Елена Лапшина 07.07.2017

Рецензия на «Белая ночь. Встреча с Миоль» (Евгений Феодоров)

Чудные стихи!!! Спасибо...

время остановилось в белых ночах ненужно рассветов

Кариатиды Сны 30.06.2017

Это отдушина. Никому не отнять... Никакой террорист не убьёт памяти и культуры... Разве возможно?

«...и на Дворцовой площади
всё так же воркут голуби...»

Спасибо!

С уважением, Роман.

Роман Смирнов 4 10.04.2017

Всегда восхищалась теми, кто умеет выразить словами самые потаённые движения души. Как удержаться на одной высоте с Ним? Представить его руки, которые с нежностью подхватят...

Ёжик Туманный 14.04.2017

Прочитал с интересом. Заставляет подумать.

Рафаэль Бэккер 15.04.2017

«Как молоды мы были...» ;)))

Повеяло маем, любовью и потрясающей музыкальной интонацией Шнитке...

С праздником тебя, дорогая!

Ирина Анташко 01.05.2017

Ольга, нравится. Очень! Это всё такое таривердиевское. Не Шнитке мне слышится. Аплодирую Вам!

Роман Смирнов 4 28.04.2017

Ольга Анатольевна МИЩЕНКОВА
Евгений Агафонович ФЕОДОРОВ

ПЯТЬ НОТ ИЗ СОЛОВЬИНОГО СЛОВАРЯ
(роман в письмах)

Стихотворения

Текст печатается в авторской редакции

Компьютерная верстка: И.В. Медведева

*На странице 65 фотография
ирландского терьера Мона Террис аль Руссо.
Владелец – Титова М.Ю., г. Сатка Челябинской области*

Подписано в печать 10.04.2019.
Формат 60х84 ¹/₁₆. Бумага офсетная.
Печать офсетная. Гарнитура Arial.
Печ. л. 5,25. Тираж 300 экз.
Заказ № 57.

Издано:
ИП Жуков В.Ю.
390029, Рязанская область, город Рязань, улица Чкалова, д. 33А
Телефон: 8 (4912) 99-13-40, 50-12-35
Сайт: <http://print-rzn.ru/>, e-mail: vitprint@mail.ru